

Зиберова Лидия Владимировна

преподаватель кафедры общественных дисциплин
Ставропольского филиала
Московского гуманитарно-экономического
института
dom-hors@mail.ru

**ЕВРОПЕЙСКИЙ И РОССИЙСКИЙ
ОПЫТ ИНСТИТУЦИАЛИЗАЦИИ
КЛАССОВОЙ БОРЬБЫ**

Аннотация:

Статья посвящена историческому анализу европейского и российского опыта институционализации классовой борьбы, где внимание автора, в первую очередь, акцентируется на абсолютизме, характерном для ведущих европейских держав в XIX – начале XX в., а также для Российской империи. Именно традиции абсолютизма, по мнению автора, придали процессу абсолютизма институционализации классовой борьбы в этих странах ту специфику, которая проявилась и в России, хотя в последней имели место и свои особенности.

Ключевые слова:

абсолютизм, классовая борьба, институционализация, империя, буржуазия.

Ziberova Lidia Vladimirovna

Lecturer of Social Sciences Department,
Stavropol branch of
Moscow Humanitarian-Economic Institute
dom-hors@mail.ru

**EUROPEAN AND RUSSIAN
EXPERIENCE OF
INSTITUTIONALIZATION OF
CLASS STRUGGLE**

Summary:

Article focuses on the historical analysis of the European and Russian experience with the institutionalization of the class struggle, where the author's attention, first of all, is paid to the absolutism characteristic of the leading European powers in the XIX - early XX century, And to the Russian Empire. That tradition of absolutism, in my opinion, makes the process of institutionalization of absolutism of the class struggle in these countries that the specifics, which manifested itself in Russia, although the latter was the case, and the features.

Keywords:

absolutism, the class struggle, the institutionalization of the empire, the bourgeoisie.

В либеральной эволюционной перспективе институционализация классовой борьбы в странах Запада прошла три исторических этапа. Борьба буржуазии и пролетариата со старым режимом и друг с другом становилась менее разрушительной по мере правового закрепления экономических (XVIII в.), демократических (XIX в.) и социальных (XX в.) свобод. Под давлением сил политического сопротивления правящий режим избирает либеральную стратегию институционализации классовых конфликтов. В результате институционализации революционная классовая борьба трансформировалась в демократическую борьбу заинтересованных групп. Факт длительного существования в индустриальных странах различных режимов позволяет предположить, что эволюционный либеральный опыт не следует преувеличивать.

Необходим нелинейный сравнительный анализ стратегий институционализации классовой борьбы. Различные сочетания частичных гражданских прав позволяли нелиберальным режимам конвертировать классовую борьбу в упорядоченный, ограниченный и прерывный процесс. В данной статье исследуется авторитарно-монархическая стратегия институционализации классовой борьбы в странах Запада и России.

В начале XIX в. главными абсолютными монархиями были Россия, Германия и Австрия. Формально власть монархов была неограниченной. Гражданские свободы отсутствовали или находились под запретом. Их введение сдерживали аскриптивные статусы корпоративных групп – дворянства и духовенства, корпораций бюргеров, юристов, гильдий купцов и ремесленников. Реальная инфраструктурная власть монархов не была абсолютной, поскольку требовалось сотрудничество с региональной и локальной элитой. Абсолютной была тактическая власть монархов: способность действовать произвольно по принципу разделяй и властвуй в корпоративных переговорах и выборочных репрессиях. Эта традиционная стратегия решения адапционных проблем общества сохранилась в XX в.

Режимы абсолютизма входили во вторую половину XIX в. с двумя конфликтующими установками: 1) нежелание монарха, дворянства и церкви предоставить универсальные политические свободы буржуазии и пролетариату; 2) пессимизм в своей инфраструктурной способности преодолеть сопротивление новых классов систематическими репрессиями. Решение проблемы заключалось в инкорпорировании сопротивляющихся классов в государство за счет консервативной модернизации режима, перехода от абсолютизма к авторитарной монархии.

Наиболее эффективно авторитарную стратегию институционализации классовой борьбы применяла кайзеровская Германия. Экономические свободы были достигнуты соглашением прусского режима и буржуазии. Следуя патерналистской идеологии, режим в 1860-х гг. гарантировал социальную свободу от нищеты за счет расширения государственной инфраструктуры, установления минимальной заработной платы и продолжительности рабочей недели. В отношении демократических свобод Бисмарк использовал корпоративно-арбитражную стратегию, то есть наследие абсолютизма. Сохранялась цензура, и демократы не обладали свободой печати, слова и собраний. Были введены парламент с ограниченными правами и ограниченное избирательное право. Исполнительная власть подчинялась только монарху [1, т. 2, с. 239–240]. В отношении буржуазии применялась тактика «разделяй и властвуй»: переговоры с умеренными политическими группами и подавление остальных; столкновение инкорпорированных групп и выполнение режимом арбитражной роли. Авторитарная монархия ослабила политическое влияние немецкой буржуазии, разделила ее на фракции консерваторов, национал-либералов, клерикалов, регионалистов. Все фракции находились в зависимости от режима. Более жесткая тактика применялась к пролетариату: право иметь своих парламентских представителей, которые не контролируют правительство; разрешение профсоюзов и запреты социалистов; введение военного положения для подавления забастовок, митингов, рабочих организаций и закрытие издательств. Реакция немецкой социал-демократии на политическое исключение рабочих была предсказуемой. До своего раскола в 1914 г. она активно пользовалась революционной марксистской риторикой, но на практике боролась за голоса избирателей. Ее наибольший успех на парламентских выборах в 1912 г. обернулся агитационной кампанией против «красной угрозы», используемой правительством для повышения подоходного налога. Усилия реформистского крыла оказались безрезультатными. Реформы были невозможны без изменения режима, который консолидировался накануне Первой мировой войны [2, с. 244–247].

С вариациями германскую стратегию институционализации классовой борьбы использовали другие авторитарные монархии. В Японии революция Мэйдзи-исин 1867–1868 гг. положила начало консервативной модернизации режима. Японская элита, использовавшая монархию как легитимирующий принцип, тщательно изучила западный конституционный опыт и остановилась на германском варианте [3, с. 424–429]. Не остались без внимания либерально-реформистские государства, чей опыт мог быть адаптирован в авторитарной форме – организация французской армии и британского военно-морского флота. В сравнении с Европой японская авторитарная монархия оказалась более корпоративной. Она меньше зависела от личных качеств монарха, что дополнительно усиливало стратегию правительственного контроля конфликтов буржуазии и рабочих. Австро-Венгрия испытывала двойное внутреннее давление этнонационализма и классовой борьбы [4, с. 187]. Из-за недостаточной корпоративной когерентности многоэтнического дворянства, дуальная монархия осуществляла консервативную модернизацию при поддержке военной элиты и тактической поддержке различных этнических и классовых групп.

В отношении борьбы за власть новых классов царский режим России предпочитал репрессии и исключение, проявлял нерешительность относительно реформ. В конечном счете, государственники-реформаторы избрали германскую модель модернизации абсолютистского режима [5, с. 197]. Идеология русского консерватизма, получившая развитие в XIX в., оправдывала институционализацию классовой борьбы посредством модернизации режима.

У западного и русского консерватизма имеются общие и отличительные черты. Консервативных идеологов объединяет постулат органицизма, который они применяют в качестве антитезы либеральному принципу индивидуализма. Согласно органицизму, государство является аналогом живого организма, которому свойственны «рост», «развитие» и «гниение» [6, с. 3–5]. Консерваторы подчеркивают «естественное» происхождение общества, что делает невозможным произвольный перенос политического и социального опыта и политических институтов одних обществ и государств на чужеродную почву, а также ограничивает возможности реформирования политической системы [7, с. 81–82].

Э.А. Попов отмечает, что органицистскому подходу соответствует разрабатываемая с середины XIX в. концепция «классовой (социальной) солидарности», которая у славянофилов именуется «соборностью».

Этот ключевой для русского и общеевропейского консерватизма постулат являлся антитезой принципам прогрессистских идеологий [8, с. 82]. Антибуржуазный характер русского консерватизма отмечает Г. Круговой: «В числе русских критиков европейской буржуазной цивилизации можно назвать имена таких представителей религиозно-философского направления, как Н.Ф. Федоров, Л.Н. Толстой, К.Н. Леонтьев, Ф.М. Достоевский, Н.Н. Страхов, Н.Я. Данилевский, И.В. Киреевский, Н.В. Гоголь. Речь здесь идет не об отрицании института частной собствен-

сти или частной инициативы. Отталкивание от буржуазного духа связано у всех них с протестом против редукции духовно-эстетической стороны человеческого бытия к механизму свободных от оценочных суждений товарно-рыночных отношений, с протестом против положения, при котором, пользуясь словами Бердяева, «не церковь, а биржа стала господствующей и регулирующей силой жизни» [9, т. XXI, с. 348–349].

Идеология консервативной модернизации абсолютизма руководствуется принципом монархии как истинной власти. В европейской традиции власть монарха дана Богом, либо мировым разумом, который, по Гегелю, предположительно берет начало от Бога [10, с. 320]. Поскольку разум монарха Божией милостью просветлен больше других, то абсолютная монархия способна инициировать экономические и политические реформы в интересах подданных. В русской консервативной мысли модернизация абсолютизма имеет нравственно-религиозное оправдание. Согласно Л.А. Тихомирову, монархия олицетворяет единую и единственную власть, данную Богом для устранения препятствий народному благу. В политической реальности монархия может быть ложной и истинной. Ложность заключена в принципе абсолютизма, игнорирующего традицию самоуправления народа. «Монархия истинная, то есть представляющая верховную власть нравственного идеала, неограниченна, но не абсолютна. Она имеет обязательные для нее начала нравственно-религиозного характера, во имя которых только и получает свою законно не ограниченную власть. Она имеет власть не в себе самой и поэтому не абсолютна» [11, с. 171]. В XIX в. русские консервативные реформаторы видели монарха богоподобным, но не божественным лицом и требовали уравнивания всех сословий и классов перед царем, как и всех верующих перед Богом. Точно также монарх не мог быть неверующим человеком, не мог не стремиться приближать к себе лучших людей отечества.

Требование сословного равенства перед властью монарха могла привести к опасной для консерватизма доктрине социального равенства. Для ее избежания и оправдания существующего неравенства использовался принцип социального превосходства дворянства. Он дедуцировался из представления о естественном неравенстве людей по способностям, талантам, нравственному состоянию. Консерваторы К.П. Победоносцев и М.Н. Катков не принадлежали к дворянству и, тем не менее, считали необходимым отстаивать его сословные привилегии в ходе модернизации царского режима. Определяющим в их отношении к дворянству был не пафос аристократизма, а прагматично-функциональный подход: «дворянство должно было быть встроено в государственную систему бюрократических структур, стать частью бюрократического механизма» [12, с. 86].

Идеология консервативной модернизации абсолютизма является в равной мере антилиберальной и антисоциалистической доктриной. Консерватизм отличает вера в неизменность природы человека: за цивилизованным поведением индивидов скрываются злобность, иррациональность и склонность к насилию. Кроме того, люди по природе не равны в своих физических и интеллектуальных способностях. Для них свобода важнее факта равенства. Следовательно, общество всегда имеет классы, которые бесполезно устранять. Общество всегда нуждается в правящей аристократии, а введение правящего большинства приводит к тирании. Согласно консервативной морали, люди не обладают от рождения правами. Их люди заслуживают при выполнении обязанностей. Ценой этих прав являются служение государству, усилия, культивирование добродетелей и самоограничение. Относительно свободы и порядка важнейший институт – частная собственность. Сохранение традиционных институтов, ценностей, символов и ритуалов является обязательным и священным делом поколений. Человеческий разум ограничен. Мудрость и добродетельность заключены в историческом опыте.

Кроме этих основополагающих идей, в русском консервативном мышлении существует вера, что все политические проблемы имеют религиозную природу. Ограниченная рациональность людей не способна обслуживать их потребности. Общество и человеческое сознание определяются божественным замыслом. Единственным историческим равенством людей может быть только моральное равенство. Напротив, либералы предпочитают унификацию, эгалитаризм и преследование утилитарных целей.

В представлении консерваторов цивилизованное общество требует порядка и классов. Они неотделимы от собственности и свободы. С точки зрения консерваторов, подходящим инструментом модернизации политического режима является божественная предусмотрительность. Модернизация абсолютизма необходима для сохранения общества. Она подобна вечному обновлению человеческого рода. Но изменение режима должно всегда происходить медленно и с осознанием направления, предусмотренного Провидением.

Сравнительный анализ институционализации классовой борьбы посредством консервативной модернизации режимов абсолютизма обнаруживает вариативность правительственных стратегий инкорпорирования сопротивляющихся классов в политическую систему.

Решающим критерием успеха было сохранение режимом лояльности традиционных классов – дворянства и крестьянства – в период инкорпорирования в политическую систему компромиссных организаций буржуазии и рабочих. Численность новых классов не играла существенной роли. Во всех европейских государствах, кроме Англии, рабочие организации нуждались в поддержке крестьянства, чтобы требовать реформы или осуществить революцию. Частичную поддержку они имели во Франции, Италии, Испании, странах Скандинавии. Но этой поддержки не было в Германии, Японии и Австрии. Перевес парламентских голосов имели представители буржуазно-аграрных классов, радикальное движение подавлялось солдатами-крестьянами и офицерами-дворянами. Сочетанием частичных гражданских прав авторитарная монархия разделяла и властвовала, проводила выборочные репрессии, манипулировала различиями аграрных и буржуазных классов, оправдывала свое сохранение угрозой революционного пролетариата. Большевики в России были первыми, кому удалось разрушить эту стратегию.

Итак, авторитарно-монархическая стратегия институционализации классовой борьбы в развивающемся капиталистическом обществе требует консервативной модернизации политического режима, перехода от абсолютизма к авторитарной монархии. Стратегия предусматривает интеграцию новых классов буржуазии и рабочих в политическую систему общества при сохранении лояльности режиму традиционных классов дворянства и крестьянства. Поскольку консервативная модернизация режима обеспечивает частичные гражданские свободы, она может рассматриваться промежуточной линией эволюции, развивающейся от абсолютизма к конституционной монархии. Эта линия эволюции может быть прервана появлением либерально-демократических или тоталитарных режимов, применяющих иные типы стратегий институционализации классовой борьбы.

Ссылки:

1. Омельченко О.А. Всеобщая история государства и права. В 2-х томах. М., 1998.
2. Там же.
3. Там же.
4. Хобсбаум Э. Нации и национализм после 1780 года. СПб., 1998.
5. Мусихин Г.И. Россия в немецком зеркале (сравнительный анализ германского и российского консерватизма). СПб., 2002.
6. Белов А.В. Культура глазами философов-органистов. Ростов-на-Дону, 2002.
7. Попов Э.А. Русский консерватизм: идеология и социально-политическая практика. Ростов-на-Дону, 2005.
8. Там же. Круговой Г. Философская и политическая мысль русской национальной интеллигенции первой половины XX в. (Отзыв на книгу Н.П. Полторацкого «Россия и революция») // Записки Русской академической группы в США. Нью-Йорк, 1988.
9. Гегель Г.В.Ф. Философия права. М., 1990.
10. Цит. по: Кольев А.Н. Нация и государство. Теория консервативной реконструкции. М., 2005.
11. Попов Э.А. Указ.соч.

References (transliterated):

1. Omel'chenko O.A. Vseobshchaya istoriya gosudarstva i prava. V 2-kh tomakh. M., 1998.
2. Ibid.
3. Ibid.
4. Khobsbaum E. Natsii i natsionalizm posle 1780 goda. SPb., 1998.
5. Musikhin G.I. Rossiya v nemetskom zerkale (sravnitel'nyy analiz germanskogo i rossiyskogo konservatizma). SPb., 2002.
6. Belov A.V. Kul'tura glazami filosofov-organitsistov. Rostov-na-Donu, 2002.
7. Popov E.A. Russkiy konservatizm: ideologiya i sotsial'no-politicheskaya praktika. Rostov-na-Donu, 2005.
8. Ibid. Kругovoy G. Filosofskaya i politicheskaya mysl' russkoy natsional'noy intelligentsii pervoy poloviny XX v. (Otzyv na knigu N.P. Poltoratskogo «Rossiya i revolyutsiya») // Zapiski Russkoy akademicheskoy gruppy v SSHA. N'yu-York, 1988.
9. Gegel' G.V.F. Filosofiya prava. M., 1990.
10. Tsit. po: Kol'yev A.N. Natsiya i gosudarstvo. Teoriya konservativnoy rekonstruktsii. M., 2005.
11. Popov E.A. Ukaz.soch.